

УДК 930.1

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.12

Косиченко Анатолий Григорьевич

доктор философских наук, профессор
Институт философии, политологии и религиоведения
Комитета науки Министерства образования
и науки Республики Казахстан
Алматы, Республика Казахстан
anatkosichenko@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9112-8426

ИСТОРИОСОФИЯ В БОРЬБЕ ЗА ИДЕЙНОЕ И ДУХОВНОЕ ГОСПОДСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. История и ее интерпретации в интересах различных геополитических, социальных или религиозных групп становятся действенным фактором борьбы за идейное и духовное господство в современном мире. Следовательно, к интерпретациям прошлого, настоящего и даже возможного будущего сегодня прибегают весьма активно. Тем большее значение приобретает задача объективации истории, полагающей предел историческим спекуляциям в интересах деструктивных сил. Одним из возможных направлений адекватного постижения истории, на наш взгляд, выступает историософский подход к раскрытию сущности исследуемых историей процессов. Историософия дает возможность обоснованно объединять события в группы, близкие по их содержанию и существу, не только близко положенные во времени, но и ретроспективно. Настаивая на возможно полной объективности историософского подхода, необходимо дать место и творческой интуиции, без которой нельзя «прорваться» к концепту, основанию, идейной и мировоззренческой основе историософии. Как всякий обобщенный взгляд, историософия и утрачивает нечто из конкретного многообразия исторических явлений, так что историософский подход не лишен недостатков, к которым, в частности, относится известная субъективность в выборе идейной основы, концепта историософского подхода. Однако эти недостатки историософского подхода с лихвой компенсируются тем обстоятельством, что историософия позволяет создать целостную систему исторического знания, а целостность —

незаменимое качество в борьбе за обретение права страны иметь свою систему ценностей, идей и духовных основ общества, на которых базируются национальные интересы государства; и истории здесь принадлежит лидирующая роль.

Ключевые слова: исторический процесс, историософия, интерпретация, идейное и духовное господство, концепт, сущность, культура, цивилизация.

Благодарности: статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (грант № AP09260036 «Светские и религиозные ценности в современном Казахстане: взаимодействие и влияние на политику РК в сфере религии»).

UDC 930.1

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.12

Kosichenko Anatoly G.

Doctor of Philosophy, Professor

Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies

of the Science Committee of the Ministry of Education

and Science of the Republic of Kazakhstan

Almaty, Republic of Kazakhstan

anatkosichenko@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9112-8426

HISTORIOSOPHY IN THE STRUGGLE FOR IDEOLOGICAL AND SPIRITUAL DOMINATION IN THE MODERN WORLD

Abstract. History and its interpretations in the interests of various geopolitical, social or religious groups are becoming an effective factor in the struggle for ideological and spiritual domination in the modern world. Therefore, interpretations of the past, present and even possible future are being resorted to very actively today. All the more important is the task of “objectification” of history, which puts a limit to historical speculation in the interests of destructive forces. One of the possible directions of adequate comprehension of history, in our opinion, is the historiosophical approach to revealing the essence of the processes studied by history. Historiosophy makes it possible to reasonably combine events into groups that are close in their content and essence, not only close in time, but also retrospectively. Insisting on the fullest possible objectivity of the historiosophical approach, it is necessary to give place to creative intuition, without which it is impossible to “break through” to the concept, foundation, ideological and ideological foundations of historiosophy. Like any generalized view, historiosophy also loses something from the concrete variety of historical phenomena; so the historiosophical approach is not without drawbacks, which, in particular, include a certain subjectivity in choosing the ideological basis, the concept of the historiosophical approach. However, these shortcomings of the historiosophical approach are more than compensated by the fact that historiosophy makes it possible to create an integral system of historical knowledge, and integrity is an indispensable quality in the struggle for the right of a country to have its own system of values, ideas and spiritual foundations of society on which the national interests of the state are based; and history plays a leading role here.

Keywords: historical process, historiosophy, interpretation, ideological and spiritual domination, concept, essence, culture, civilization.

Acknowledgements: the article was prepared as part of the funding of the KN of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan (Grant № AR09260036 “Secular and religious values in modern Kazakhstan: interaction and influence on the policy of the Republic of Kazakhstan in the field of religion”).

Введение. В самое последнее время предельно обострился и стал очевиден глобальный кризис современного мироустройства. Геополитические притязания и национальные интересы крупнейших стран вступили в полосу открытого противостояния, ставящего мир на грань существования. В основе глобального кризиса лежат мировоззренческие, ценностные, нравственные и духовные противоречия. Казалось бы, мир стал настолько прагматичным и утилитарно настроенным, а всеобщая ориентация на все возрастающее материальное потребление так захватила людей на различных континентах, что какие бы то ни было нравственно-духовные стороны человеческого существования вообще уже не имеют никакого значения и не играют никакой роли. Однако сегодняшний кризис настолько всеобщ и глобален, что не оставляет в стороне ни одну из форм государственной, общественной и личной жизни. Не только финансово-экономические, социально-политические и силовые составляющие прорвавшихся противоречий оказались на острие противостояния, в него вовлечены культурные и моральные предпочтения, традиционные для общества ценности и установки; противостояние обрело тем самым комплексный характер. Борьба идет не только за политическое, экономическое, ресурсное превосходство, она идет и в идейной, культурной и нравственно-духовной сфере.

Среди других мировоззренческих, идейных, интеллектуальных, научно-познавательных составляющих отмеченного противостояния история занимает особое место. Сегодня стало практически очевидным, что история связывает воедино прошлое, настоящее и будущее. Прошлое непосредственно формирует настоящее, но оно же задает формы, способы и условия, создающие будущность человечества. История и ее интерпретации становятся действенным фактором борьбы за идейное и духовное господство в современном мире. Интерпретация истории в интересах различных геополитических, социальных или религиозных групп — явление не новое, но получившее в современных реалиях особенное значение. Эта интерпретация позволяет тем или иным активным субъектам, творящим парадигмы развития современности, усилить свои позиции. Таким образом, к интерпретациям прошлого, настоящего и даже возможного будущего сегодня прибегают весьма активно. Тем большее значение приобретает задача объективации истории, полагающей предел историческим спекуляциям в интересах деструктивных сил. Одним из возможных направлений адекватного постижения истории, на наш взгляд, выступает историсофский подход к раскрытию сущности исследуемых историей процессов.

Ход и результаты исследования. История сочленяет в себе как строго объективные аспекты изучения прошлого, так и в заметной мере субъективные

прочтения исторических периодов фактов, событий. То, что прошлое прошло, не защищает его от разночтений, прямо противоположного видения и фальсификаций. Казалось бы, всех этих несовпадений, ошибок и сознательных искажений можно было бы избежать, усилив требования к научности, рациональности и точности изложения исторических фактов. Но нет, ни повышение качества методологии исторических исследований и их методов, ни призывы к научной порядочности исследователя не избавляют от многообразия интерпретаций прошлого. Что наводит на мысль о неслучайности такого положения исторической науки.

И в самом деле, неоднозначность прочтения истории, даже и в относительно короткой исторической ретроспективе, не говоря уже о более отдаленных от нас временах, когда с подобной неоднозначностью сталкиваешься, что называется, на каждом шагу, приводит к умозаключению о том, что многообразие интерпретаций истории неизбежно, так как в этих интерпретациях проявляется желание самых разных групп и слоев общества (социальных, этнических, религиозных и др.) «возводить» историю к себе, к своей правде, к своему видению смысла истории, к своим идейным, мировоззренческим, духовным предпочтениям и ценностям. И все это многократно возрастает, когда мы обращаемся к международному уровню интерпретации исторических процессов, и при попытках «опрокинуть» историю на будущее. В этом мы видим проявление борьбы за идейное и духовное господство в современном мире, ставшей сегодня предельно очевидной.

События и процессы, которые изучает история, действительно, неоднозначны. Будучи поставленными в разные контексты, эти события и не могут восприниматься одномерно. Если же возникает еще и переплетение событий и процессов (а так чаще всего и бывает), то однозначности просто невозможно ожидать.

Многообразие форм интерпретации истории имеет причины самые разные. Нередко это происходит из искреннего желания восстановить истину, к чему стремятся добропорядочные и честные историки. И многочисленные прочтения одних и тех же периодов истории при этом естественны. Но даже и в этом случае должно настораживать само это многообразие прочтений, ведь ученые знают или подозревают, что научная истина все же одна; и хотя имеется общий принцип познания, при котором познание осуществляется движением от относительной истины к абсолютной (при невозможности достижения этой самой абсолютной истины, разве только в отдаленной перспективе), но все же многообразие истин, связанное с многообразием прочтений процессов истории, должно порождать некое чувство неудовлетворения. Так происходит в случае научной порядочности историка. А сколько искажений возникает при ангажированности, при партикулярных интересах, при предвзятости подхода к историческому материалу, при материальной заинтересованности, при давлении со стороны разнообразных сил. Если к этому добавить предзаданность результатов исторических «изысканий» в интересах различных социальных и политических групп, искажений истории в связи с легитимизацией притязаний на древность стран, на их права

на территории и влияние, то история ставится на грань соответствия научным критериям. Таким образом, не удивительно современное состояние истории, основной характеристикой которого выступает так называемая толерантность, доведенная до абсурда и прострации. Толерантность уместна во многих сферах современности, но когда она требует относительности истины при исследовании исторических процессов, она теряет свою легитимность, и не должна быть методологическим принципом исторического познания, даже если наша эпоха и настаивает на этом. История как наука в значительной мере зависит от господствующих идей и установок, на что обращал внимание А. Тойнби: «В каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняются господствующим тенденциям данного времени и места»¹. Но история, изучающая «поток жизни», не может сводиться к доминирующим в ту или иную эпоху взглядам; это делает ее бессильной в понимании сущности своего предмета.

История и историк всегда помещены в противоречие между преданностью фактам и необходимостью их обобщения до уровня сущности совокупности этих фактов. Можно было бы устранить это противоречие разделением исторического исследования на два периода, следующих друг за другом: изучение фактов и раскрытие их сущности. Но периоды эти длительны, и их не всегда удается совместить в сознании индивида вследствие скоротечности его жизни. Следовательно, приходится или оставаться в горизонте фактологии, или оперировать системами идей, неизбежно абстрактными. Ни один, ни другой метод нехороши для историка, преданного истине. «Современная историческая литература — особенно ее “серьезная”, академическая часть — поражает непредвзятого читателя странным сочетанием фактологической полноты, тщательности и кропотливости с удивительной концептуальной беспомощностью и своеобразным “мировоззренческим инфантилизмом”, неумело скрываемым за обилием специальной научной терминологии. Впрочем, было бы несправедливо обвинять в таких грехах исключительно современных историков. Эта болезнь русской историографии имеет давний и затяжной характер»².

Однако ситуация не безнадежна. Можно изменить последовательность изучения: исходить не из фактов, а из общих идей, построенных на фактах предшествующего периода изучения. Так возникает историософский подход к истории. В этом подходе мы интерпретируем факты в соответствии с их местом, значением и содержанием в предварительно выработанной концептуальной идеологии. Историософия дает возможность обоснованно объединять события в группы, близкие по их содержанию и существу, не только близко положенные во времени, но и ретроспективно. Что, в свою очередь, предоставляет возможность выявлять тренды и более крупно — тенденции. Тем самым

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 14.

² Митрополит Иоанн. Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб., 2004. С. 393.

мы получаем возможность в известной мере предсказывать события, о чем явно или неявно мечтала историческая наука.

Историософское прочтение истории и состоит в понимании исторических процессов как имеющих общее идейное и мировоззренческое основание. Говоря другими словами, имеется глобальная концепция, в контексте которой весь исторический массив обретает единство. Историософия придает этому массиву идейное основание; идейное в данном случае следует понимать предельно широко: не как некоторую идею, под которую подводят исторические факты и прочее, но как конкретизацию отношений «мир – человек» с позиций «мудрой» истории (так буквально переводится термин «историософия»). К примеру, всю историю человечества при историософском подходе понимают, толкуют и объясняют в контексте христианства; при этом история человечества начинается с акта грехопадения и завершается апокалипсисом. А движущей силой истории выступают отношения Бога и человека. История при таком понимании имеет смысл, заключающийся в обретении утраченного в грехопадении единства человека и Бога, и все исторические перипетии получают свое объяснение в этом едином для человечества смысле, сохраняющемся в течение всей истории человечества. Можно возмутиться и возразить: такое понимание истории ограничивает ее, втискивает в прокрустово ложе религии, обедняет и обесмысливает историческое познание как таковое. Да, отчасти это так. Выбрав эту историософскую позицию, историк оставляет в стороне все иные интерпретации исторического процесса. Но разве лучше блуждать среди разрозненных фактов, не находя им удовлетворительного объяснения? Или же лучше воссоздавать историю под пристальным взглядом заказчика? В любом случае чем-то приходится жертвовать, так почему бы не мнимой свободой научного познания, которая на поверку оказывается едва ли не большим ограничением в познании предмета истории, ибо зависит от времени и места, доминирующих в то или иное время методов познания, субъективных качеств ученого-историка и господствующей идеологии. Христианство в качестве одного из историософских подходов к истории оказалось не чуждо и такому весьма прагматичному историку, как А. Тойнби, который при всей достаточно оправданной критике в его адрес в неакадемичности, построил одну из самых грандиозных историософских концепций: «Историк должен вдохновиться стремлением не просто узнавать факты, но постигать их смысл. Высшим смыслом творческого поиска является поиск Бога, действующего в истории, а первым слепым шагом на этом паломническом пути является стремление понять, каким образом факты Истории соединены между собой»³.

Историософский подход к изучению истории изначально открыто обозначает свою идейную, мировоззренческую направленность и приоритеты — и тем выигрывает, не растрачивая усилий на сокрытие истинных целей той или иной интерпретации истории, не умножая нелепостей и наслоений, которые

³ Тойнби А. Дж. Указ. соч. С. 634.

в любом случае видны грамотному исследователю. Историософия стоит или пытается стать над непосредственными историческими процессами, фактами и событиями, стремится выявить предельно общие их закономерности и сущность. Постигать историю средствами историософии труднее, чем просто излагать исторические события. Но зато возникает основа для целостного понимания исторического процесса в его единстве. Историософия исходит из наличия смысла истории, претендуя тем самым на постижение истории в ее сущности. Наличие смысла или его обретение в процессе исторического исследования, в свою очередь, предполагает или придание смысла историческому процессу в ходе его развития, или телеологию. На этих двух основаниях и базируется историософия. Историософия постигает смысл истории и исходит из наличия этого смысла. Восхождение к смыслу не очевидная задача истории. Но надо признать, что любая попытка не только ориентации на нахождение смысла, но и просто научное обобщение фактов и событий и выстраивание их в систему уже имеет дело со смыслом этой группы явлений (иначе как их осмыслить?). В известной мере историософия является метаисторией, стоит над историческим постижением истории, при этом не покидающей предмета исторического познания.

Имеется несколько исторически следующих друг за другом концепций истории, которые можно отнести к историософским. Это регрессивное понимание истории человечества, выраженное Гесиодом и индийской теорией повторяющихся четырех все более деградирующих периодов существования человечества. Это религиозно-мировоззренческий подход и уже — христианское видение смысла и сущности истории, далеко не сводящееся к осевому времени. Это концепция И. Г. Гердера, которую он сам называл философией истории, но в методологическом отношении его подход был именно историософией. Это понимание истории как прогрессивного развития человечества, ясно сформулированное в Новое время. Это материалистическое понимание истории, развитое К. Марксом. Это цивилизационный подход к истории (Н. Данилевский и вообще славянофилы, О. Шпенглер, А. Тойнби). В конце XX в. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) написал и издал «Очерки русской историософии», в которых осуществил духовное прочтение русской истории (начиная с Рюриковичей и до нашего времени). Вот, пожалуй, и все. Хотя при желании можно найти и иные, менее значащие историософские веяния в исторической науке.

Нельзя обойти вниманием и следующий вопрос, связанный с историософским подходом к истории. Историософия существенно упорядочивает и сокращает количество интерпретаций событий и фактов истории. И борьба идей и установок, не прекращающаяся в исторической науке, выражается в столкновении различных историософских подходов. Историософия не является непрерывным и непротиворечивым, последовательно преемственным объяснительным принципом в исторической науке. Можно видеть, что одни историософские концепции нередко несовместимы и даже противоречат другим: достаточно

сопоставить марксистское и христианское понимание истории в качестве историософских подходов к историческому процессу. Но это не подрывает историософский подход изнутри, не превращает его в недееспособный, в ложный.

Так, И. Г. Гердер еще в конце XVIII в. подметил, что общих концепций истории может быть много, и философия истории может быть построена на разных основаниях, в том числе и таких, какие самим Гердером отрицаются. Вот что он писал по этому поводу: «Вся история людей — это чистая естественная история человеческих энергий, действий, влечений, история, во всем сообразная с временем и местом. Сколь бы ни прост был этот принцип, он проясняет многое и бывает полезен при рассмотрении истории разных народов. Любой историк согласится со мною в том, что удивленно пялить глаза и без толку запоминать имена народов не значит заниматься историей, а если так, то, наблюдая любое историческое явление, размышляющий разум должен проявить всю свою остроту, как и при наблюдении явлений природы. Поэтому, рассказывая о ходе истории, разум будет искать в ней величайшую истину, постигая и оценивая события, будет стремиться найти в них полнейшую взаимосвязь, но не будет существующее и происходящее объяснять чем-то другим, чего вообще нет. Стоит ввести этот строгий принцип, и тотчас же исчезают всякие домыслы, всякие признаки волшебной страны; мы повсюду пытаемся тогда увидеть то, что есть, во всей его чистоте, а когда увидим, то тогда, по большей части, заметим и причину, почему существующее не могло быть иным. Когда ум наш усвоит такую привычку в своем подходе к истории, то он найдет путь к более здоровой философии, которую вряд ли можно найти где-либо помимо естественной истории и математики. И именно следуя этой философии, мы в первую очередь и прежде всего остережемся присочинять к реальным явлениям истории скрытое от нас особое намерение — некий неведомый замысел, — и тем более причислять магическое воздействие незримых демонов, духов, которых мы не решились бы и припомнить, если бы речь шла о явлениях природы. Судьба открывает свои намерения в том, что и как происходит; поэтому созерцатель истории выводит ее намерения лишь из того, что реально существует и до конца проявляет себя. Почему существовали на земле просвещенные греки? Потому что греки существовали, а существуя, и могли при таких-то обстоятельствах быть лишь просвещенными греками». И далее: «История — это наука о том, что реально существует, а не о том, что могло бы быть согласно тайным намерениям судьбы»⁴.

Историософское прочтение истории прибегает в качестве конкретизации своего подхода к таким крупным образованиям, как культура и цивилизация. Они, эти образования, органично обобщают многочисленные исторические факты и события, процессы и явления, что важно для историософии. «Вся доступная нашему обозрению история человечества является историей становления, расцвета, гибели и взаимодействия народов, культур и цивилизаций.

⁴ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 386, 387.

Именно они являются субъектами исторического процесса, главными действующими лицами грандиозной драмы, развертывающей свое течение на пространстве веков и тысячелетий»⁵. Н. Я. Данилевский, создавший теорию культурно-исторических типов, подчеркивал, что естественная система истории должна заключаться в различении культурно-исторических типов как главной основы ее деления, а сама «цивилизация есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себе заключает»⁶.

Конечно, культурологический или цивилизационный подходы к пониманию сущности истории не должны и не могут подменять собой историософию, но она может прибегать к ним, когда это уместно. Как историософия, так и культурологический и цивилизационный подходы проделывают для истории важнейшую работу по обобщению различных исторических фрагментов. Вот, что пишет П. Сорокин: «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которой пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, главную, ценность»⁷.

Заключение. Историософия позволяет взглянуть на историю в целом и на ее отдельные периоды с позиции панорамного, объемного видения. Историософия обобщает исторические события и факты, процессы и явления и приближает историка к видению их сущности. Но, как всякий обобщенный взгляд, историософия и утрачивает нечто из конкретного многообразия исторических явлений; так что историософский подход не лишен недостатков, к которым, в частности, относится известная субъективность в выборе идейной основы, концепта историософского подхода. Для снижения уровня потерь при историософском подходе необходимо найти такое мировоззренческое и нравственно-духовное основания тому или иному историософскому концепту, которое отвечало бы критерию соответствия обобщаемым материалам и позволяло бы раскрыть их сущность. Следовательно, стремясь к возможно полной объективности историософского подхода, необходимо дать место и творческой интуиции, без которой нельзя «прорваться» к этому самому концепту, основанию, идейной и мировоззренческой основы историософии.

Такое сочетание, казалось бы, противоречащих друг другу требований необходимо еще и потому, что историософские концепции не единообразны, их довольно много, и они нередко вступают в противоречия между собой, и противоречия эти дорастают до столкновения различных историософских

⁵ Митрополит Иоанн. Указ. соч. С. 399.

⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2019. С. 174.

⁷ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 429.

подходов (в зависимости от идейной концепции, положенной в основу историософской интерпретации). Следует упомянуть и о неприятии историософии как таковой, когда ее упрекают в поверхностности и абстрактности.

Но все эти недостатки историософского подхода с лихвой компенсируются тем обстоятельством, что историософия позволяет создать целостную систему исторического знания, а целостность — незаменимое качество в борьбе за обретение права страны иметь свою систему ценностей, идей и духовных основ общества, на которых базируются национальные интересы государства; и истории здесь принадлежит лидирующая роль.

Литература

1. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А. В. Михайлова; [АН СССР]. М.: Наука, 1977. 705 с.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: АСТ, 2019. 704 с.
3. Митрополит Иоанн. Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб.: Царское дело, 2004. 494 с.
4. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / [общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова]. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
5. Тойнби А. Дж. Постигание истории: сборник: пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

References

1. Herder J. G. Idei k filosofii istorii chelovechestva [Ideas for the philosophy of human history] / per. i primech. A. V. Mikhailova; [AN SSSR]. Moscow: Nauka, 1977. 705 p. (In Russ.).
2. Danilevskii N. Ia. Rossiia i Evropa [Russia and Europe]. Moscow: AST, 2019. 704 p. (In Russ.).
3. Mitropolit Ioann. Russkaia simfoniia. Ocherki russkoi istoriosofii. [Russian symphony. Essays on Russian historiosophy]. St. Petersburg: Tsarskoe delo, 2004. 494 p. (In Russ.).
4. Sorokin P. Chelovek. Tsivilizatsiia. Obshchestvo [Man. Civilization. Society] / [obshch. red., sost. i predisl. A. Iu. Sogomonova]. Moscow: Politizdat, 1992. 543 p. (In Russ.).
5. Toynbee A. J. Postizhenie istorii [A study of history]: sbornik: perevod s angliiskogo iazyka. Moscow: Progress, 1991. 736 p. (In Russ.).